

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 18.01+008(091)

Г. П. Выжлецов

ПРЕДМЕТ И НАЧАЛО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Эстетическое знание возникло в письменной культуре древнего мира в III–I тысячелетиях до н. э. Оно выражало все богатство одухотворенной чувственности, включая, наряду со зрением и слухом, также обоняние, вкус и осязание. Однако европейская рационалистическая эстетика ограничила свой предмет философской теорией «эстетического» и «художественного», доступного лишь зрению и слуху как «теоретическим» (Гегель) органам чувств. Дальнейшее развитие эстетики необходимо для преодоления тотального отчуждения человека от других людей, самого себя, общества, природы и Бога и должно охватывать все сферы жизни человека и общества, ибо предметом эстетического знания является всеобщая творческая активность человека по созданию и чувственному восприятию совершенных выразительных форм проявления духовных ценностей в жизни и искусстве. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: эстетика, эстетическое знание, культура, творчество, совершенство, выразительные формы, духовная ценность, органы чувств.

G. P. Vyzhletsov

THE SUBJECT AND THE BEGINNING OF AESTHETIC KNOWLEDGE IN THE HISTORY OF CULTURE

Aesthetic knowledge appeared in the written culture of the ancient world in the III–I millennium B. C. It conveyed all the richness of the spiritual sensuality, including smell, taste and touch, along with eyesight and hearing. However, the European rationalistic aesthetic restricted their subject by philosophical theory of the “aesthetic” and “art”, available only to vision and hearing as “theoretical” (Hegel) sense organs. Further development of aesthetics is necessary for overcoming the total alienation of a person from other people, himself, society, nature and God and should cover all the spheres of human life and society. For the subject of this knowledge is essentially universal creative human activity on creation and sensual perception of perfect expressive forms of manifestation of spiritual values in life and art. Refs 19.

Keywords: aesthetics, aesthetic knowledge, culture, creativity, perfectibility, expressive forms, spiritual value, sense organs.

Эстетическое сознание — наиболее древняя и универсальная форма духовного мира человека, при этом — высокоразвитая и ориентированная на глубинные, сущностные основы бытия.

В. В. Бычков [1, с. 25]

Вопрос о начале формирования предмета и понятийного аппарата любой науки и формы знания представляет не просто исторический, но и содержательно-мето-

Выжлецов Геннадий Павлович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; vygletcov@mail.ru

Vyzhletsov Gennadiy P. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vygletcov@mail.ru

дологический интерес. Тем более это относится к такому многоплановому явлению культуры, как *эстетика* и *эстетическое знание* в целом. Это знание возникло задолго до появления специальной философской дисциплины — эстетики, да и самой философии. В силу своей специфической сложности и многоплановости эстетическое знание могло возникнуть и развиваться лишь на основе высоко развитой письменности, способной передавать не только содержание отвлеченной мысли, но и тончайшие оттенки всего богатства чувственного восприятия мира. Поэтому его историю нужно начинать с эстетических представлений народов древнего мира, зафиксированных в слове и передававшихся из поколения в поколение в письменной форме. Иначе говоря, не раньше (с памятников первобытного искусства) и не позже (с философских учений античности о красоте и искусстве), как это принято повсеместно, а именно с эпохи *раннегосударственных цивилизаций и урбанистической письменной культуры на основе религиозно-языческого мировоззрения*. Хронологически это период III–I тысячелетий до н.э., географически — пространство от устья Нила до низовий Янцзы и Хуанхэ и от Каспия до юга Индостана. Данный хронотоп охватывает *шумеро-вавилонскую, древнеегипетскую, древнеиндийскую и древнекитайскую* первичные цивилизации, из вторичных же наиболее характерны с интересующей нас точки зрения *Ханаан* и древний *Иран*. Эти древние цивилизации были колыбелью евроазиатской культуры до её содержательного разделения на культуру Запада и Востока.

Убедительным доказательством сказанному служат сохранившиеся и расшифрованные письменные источники, позволяющие судить о содержании художественно-эстетических представлений далеких эпох, в том числе и таких их «немых» свидетелей, как памятники архитектуры и прикладного искусства. Да и сама по себе письменность есть эстетически-художественное явление — образец жизненно-значимой выразительной формы, фиксирующей мысли и общие представления, среди которых особое место занимают источники и виды прекрасного, величественного и совершенного, а также художественные правила и каноны.

Эпос о Гильгамеше, Библия, Авеста, Веды и Упанишадь, древнеегипетские, даосские, конфуцианские и другие памятники мировой письменной культуры [2, с. 60–155] свидетельствуют, во-первых, о глубинных, божественно-вселенских, природно-космических истоках красоты, гармонии и совершенства, нередко проявляющихся в борьбе с их антиподами. Почти повсеместно был развит культ Солнца, но как источника не только света — красоты дня, добра и справедливости, но и слепящей тьмы ночи, зла и ужаса, согласно, например, *Ригведе*.

Во-вторых, различается множество форм, видов и уровней красоты. Так, *шумеры* выделяли шесть иерархически выстроенных уровней прекрасного: от высшего божественного до знаков-символов социальной принадлежности конкретных людей. А библейские тексты обозначают различными терминами красоту духовную и чувственную, внутреннюю и внешнюю, человеческую и отдельно женскую, образно-предметную и творчески-созидательную.

В-третьих, во всех древних культурах термин, обозначающий «прекрасное», был по содержанию гораздо более универсальным, чем в позднейшей европейской эстетике, и включал в себя оттенки других эстетических и жизненно-значимых представлений, в особенности понятий совершенного, возвышенного, величественного, трагического, а также доброго, хорошего, полезного и справедливого. Отсю-

да и древнегреческий принцип *«kalokagathia»*. А библейское *«tob»*, переводимое как «хорошо-прекрасно», воплощало материализацию духовного начала и одухотворение созданного Богом тварного мира. Среди источников красоты в этом широком смысле рассматривались: свет, плодородие земли, плодовитость животных, половая любовь мужчины и женщины, отвергаемые в этом качестве позднейшей европейской эстетикой под влиянием христианского мировоззрения.

В-четвертых, нужно отметить широту и богатство чувственного восприятия всего многообразия эстетических явлений, включая, наряду со зрением и слухом, также обоняние, вкусовые и осязательно-тактильные ощущения. Например, шумерской культуре были известны такие эстетические характеристики, как священный аромат, нежность, бархатистость, мягкость и округлость. В *Упанишадах* речь идет уже о восьми (!) органах эстетического восприятия, в том числе об *«анимна»* — особом веществе артерий человеческого сердца, связанном с цветовым спектром солнечных лучей. Европейская же эстетика сведет впоследствии всё это богатство одухотворенной чувственности к зрительному и слуховому восприятию, объявив остальные органы чувств недостойными эстетического внимания.

В-пятых, особое место в эстетике древнего мира занимали художественные традиции и каноны, обусловившие творческие нормы и правила различных видов искусства и нравственно-эстетического воспитания. Так, уже в древнем Египте, наряду с иконографическим и цветовым, был известен и «канон пропорций», основанный на принципе «золотого сечения». А даосское учение о трёх ступенях искусства предполагало наличие специального «ценителя» — предшественника будущего критика-искусствоведа. Три конфуцианских этапа эстетического воспитания основывались на принципе единства красоты, добра и пользы.

Главным же, если подвести итог, был принцип *целостного*, т. е. собственно эстетического мироощущения и миротворчества, выраженный системой зафиксированных в словесно-понятийной форме до- и вненаучных знаний, с которых можно и нужно начинать историю эстетики и эстетического знания в самом широком, культурфилософском смысле этого слова, в соответствии с содержательным определением её понятия и предмета. Ибо нынешнее положение эстетики среди социогуманитарных дисциплин, включая философию, и тем более её вполне определенное вытеснение культурологией объясняется во многом искусственным и неоправданным сужением её предмета в европейской философской эстетике, что давно уже не отвечает реалиям социокультурного бытия человека.

Понятие *«эстетическое знание»* производно от термина «эстетика», введенного немецким философом-рационалистом лейбницевской школы *А. Баумгартеном* в 1735 г. для обозначения особой отрасли философии наряду с логикой и этикой. В сочинении *«Эстетика, предназначенная для лекций»* (1750–1758 гг.) он показывает место новой дисциплины в системе философского знания, определяет её предмет и дает первую систематическую разработку её категориального аппарата. В соответствии с рационалистической традицией предметом эстетики Баумгартен называет *совершенное чувственное познание*, причем именно ценностное понятие «совершенство» выводит её за рамки общей гносеологии. Однако только после работы *И. Канта* *«Критика способности суждения»* (1790) произошло подлинное обособление эстетики среди философских дисциплин и отграничение самой сферы и понятия «эстетического» вообще, в частности от понятия «художественного». Со своей

стороны Гегель посчитал сам термин «эстетика» (от греч. «эстезис» — чувственное восприятие) поверхностным и неудачным, поскольку подобная наука должна быть прежде всего философией искусства, а точнее, философией художественно-прекрасного. Для изучения же красоты природы, по мнению Гегеля, мы не имеем критериев, поэтому природа является предметом естествознания с точки зрения не красоты, а пользы. В конечном итоге *классическая эстетика* европейского рационализма ограничила свой предмет философией искусства и прекрасного, а в целом — *эстетического и художественного*, и сочла их доступными лишь зрению и слуху как собственно «теоретическим», по Гегелю, органам чувств [3, с. 7–9, 45]. Несмотря на все исторические метаморфозы и различные варианты частных трактовок, такое определение эстетики остается наиболее распространенным по сей день.

Однако уже *неклассическая эстетика* 2-й половины XIX — середины XX в. как в эмпирическом, так и в философско-теоретическом вариантах своего развития стремится к расширению содержания самих понятий эстетического и художественного вплоть до реабилитации «неэстетических» органов чувств. Так, представитель «психофизиологической» эстетики Э. Мейман, дав обзор основных направлений и проблем доминировавшей тогда эмпирической эстетики, заключил: «Наш художественный инстинкт выражается не только в том, что мы создаем произведения искусства: нет, он гораздо сильнее и непосредственнее проявляется в попытке эстетически преобразовать всю нашу жизнь». Поэтому основная проблема эстетики заключается в том, чтобы «всесторонне понять и разъяснить *эстетическое отношение человека к действительности* в его своеобразном отличии от теоретического и практического отношения» [4, с. 44–45]. Но именно этот вопрос остается открытым и сегодня, спустя сто лет.

С другой стороны, Н. Г. Чернышевский в своей магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), казалось бы, предельно широко определяет важнейший аспект предмета эстетики: «прекрасное есть жизнь... какова она *должна быть* по нашим понятиям» (курсив мой. — Г. В.) [5, с. 197], ограничивая её при этом введением *аксиологического* критерия. В неокантианской эстетике этот критерий станет основным: «*эстетика имеет целью исследование особого рода ценностей, господствующих в прекрасном и искусстве*», — пишет, например, И. Кон в 1901 г. [6, с. 14], тем самым фактически открывая широкое применение аксиологического подхода, которое будет иметь место в эстетических исследованиях вплоть до рубежа XX–XXI вв.

В теоретико-методологическом плюрализме неклассической эстетики тенденция к расширенному пониманию её предмета приводит и к выходу его за пределы «теоретических» органов чувств — зрения и слуха. Философскую предпосылку к этому можно найти ещё в антропологическом учении Л. Фейербаха: «Даже низшие чувства — обоняние и вкус — возвышаются в человеке до духовных, до научных актов. Обонятельные и вкусовые качества вещей являются предметом естествознания», — писал он в 1843 г. [7, с. 201]. А спустя 60 лет они становятся и предметом эстетики. Наиболее показательна в этом плане «*позитивная эстетика*» А. В. Луначарского (1904/1923 гг.). Считая эстетику в широком смысле наукой об *оценках* «с точки зрения истины, красоты и добра» как общечеловеческих *ценностей*, он определяет её «в узком смысле слова как науку о *непосредственной* аффекциональной оценке, сопровождающей наши восприятия и наши поступки... Непосредственный аффек-

ционал, то есть страдание или наслаждение, удовольствие или неудовольствие, — вот необходимая основа эстетической эмоции... Все, что вкусно, хорошо пахнет, все, что гладко, бархатисто... я имею полное право называть эстетическим» [8, с. 51, 62]. Поэтому нет никаких оснований исключать из эстетики восприятие «вкуса, запахов, ощущений осязательных и температурных», например «действие ароматов, в смысле... аккомпанементов переживаний, не ниже действия ласкающей музыки». Более того, «ломаная линия, тусклые краски, диссонансы и крики, страдания тела и души могут быть элементами прекрасного вообще», ибо и «антиэстетические явления могут получить эстетическую окраску»: страшное, ужасное, грозное — в трагическом; пошлое, жалкое, слабое — в комическом, которые уже «не есть прекрасное», поскольку «единственное благо, единственная красота есть совершеннейшая жизнь» [8, с. 64–65, 73, 75, 78–79, 80, 100].

Эта концепция действительно «расширяет область эстетического» [8, с. 86], расширяя его практически на все явления человеческой жизни, в том числе и негативные, преобразовываемые в процессе созидательной эстетически-художественной деятельности. Она свидетельствует о том, что, например, безобразное и низменное — такие же категории эстетики, как прекрасное и возвышенное. Однако в понимании предмета эстетики она, как видим, остается в пределах эстетического и художественного, хотя и существенно расширяет сферу их приложения, тем самым делая шаг к следующему этапу развития эстетики, который по аналогии с современной наукой можно назвать *постнеклассическим*: «Постнеклассическая эстетика, — пишет в 2010 г. В. В. Бычков, — современный этап эстетического знания» [9, с. 760].

В постнеклассический период 1980-х — 2010-х годов эстетика оказывается в условиях постмодернистской культуры, в которой функционируют не сами по себе ценности и/или их антиподы, а *ценностные противоположности* — взаимосвязанные, взаимопроникающие и взаимопереходящие друг в друга. Добро и зло, красота и безобразие, искусство и его суррогаты незримо меняются здесь местами. *Эстетизация* покрывает всё привлекательным маскирующим флёром, размывая подлинный художественно-эстетический вкус, который только и способен различить эти противоположности и понять, когда перед нами *как бы* искусство, как бы красота, как бы «звезда», за которыми — как бы добро, как бы правда, как бы талант и достоинство. Естественно, что эстетика не могла не обратиться к анализу специфических особенностей новых для себя реалий, создав содержательный задел для своего последующего развития, например, в наиболее показательных работах последних пятнадцати лет — от «Парижа со змеями» Н. Б. Маньковской [10] до «Эстетической ауры бытия» В. В. Бычкова [9, с. 608–781].

Заметим, что в средствах массовой информации, в философской и научной литературе, художественной публицистике и обыденном языке термин «эстетика» употребляется для обозначения не только философско-теоретической дисциплины, но и тех явлений и процессов, которые подразумеваются за этим понятием: эстетика труда, спорта, быта, поведения, природы, образа жизни и пр. В более узком смысле этот термин используется для выделения различных аспектов искусства — как синоним определенного художественного стиля, направления, школы, особенностей творчества того или иного художника, языка конкретного произведения (эстетика кино, спектакля, авангарда, модерна). Поэтому, говоря, например, об эстетике Л. Н. Толстого или Ж.-П. Сартра, необходимо специально пояснять, имеются

ли в виду художественные особенности их произведений или философско-эстетические взгляды. Между тем именно эстетика может стать на данном этапе развития культуры квинтэссенцией её содержания, объединяющим культурологическим стержнем, значимым критерием её развития, ибо культура в узком смысле нередко сводится к культуре художественно-эстетической, как сама эстетика — к философии искусства. Необходимо выработать современное содержательное определение предмета и понятия *эстетического знания* в целом и на этой основе переосмыслить специфику и метод современной философской эстетики. Для этого необходимо ответить на сакраментальный вопрос: что стоит сегодня за термином «эстетическое»?

Несмотря на безбрежное море «эстетических концепций XX века» и «системный плюрализм» века двадцать первого [11, с. 791–792], в специальной литературе второй половины XX — начала XXI в., если отвлечься от частных случаев, по-прежнему распространено понимание эстетики как философской науки об эстетическом освоении мира, включая искусство и ценности (общечеловеческие, эстетические и художественные), невзирая на явную тавтологичность подобного определения: «предметом изучения *эстетики*» является «*эстетическое* освоение действительности человеком» (курсив мой. — Г. В.) [12, с. 21]. «Эстетика, — пишет Ю. Б. Борев, — философская наука о сущности общечеловеческих ценностей... о наиболее общих принципах *эстетического* освоения мира в процессе любой деятельности человека, и прежде всего в *искусстве*» (курсив мой. — Г. В.) [13, с. 22]. Произошло «расширение предмета эстетики: ...сейчас она рассматривается как философское исследование эстетической культуры во всем многообразии конкретных проявлений эстетического... Тем самым складываются предпосылки для возрождения... эстетики как целостной системы идей, теоретически осмысляющей данную грань мировоззрения человека, его ценностного сознания, его творческой деятельности [14, с. 35, 49]. Впрочем, среди множества конкретных определений эстетики, отражающих тот или иной аспект её предмета, есть и попытки так или иначе раскрыть содержание явлений, стоящих за общими понятиями «эстетическое» и «художественное».

Так, по мнению Д. Д. Среднего, «эстетика исследует всеобщую творческую деятельность человека в трех областях: в производстве (дизайн), в обыденной жизни (область ценностей) и в искусстве (идеал). Эстетическая деятельность — это прежде всего творческая деятельность согласно мере и масштабу самого человека», при этом «все категории эстетики так или иначе определяются через ценность» [15, с. 12, 11]. Для А. Ф. Лосева эстетика — это «философская дисциплина, имеющая своим предметом область выразительных форм любой сферы действительности (в том числе художественной), данных как самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность» [16, с. 570]. С точки зрения В. В. Бычкова, «эстетика — наука о таком опыте освоения реальности, который основан на созерцании или выражении в чувственно воспринимаемой форме абсолютных ценностей» [9, с. 36]. П. В. Соболев, вслед за А. Баумгартеном, счел предметом эстетики универсально значимое совершенство. По мнению В. И. Самохваловой, «эстетика может быть определена как наука об общих законах организации выразительных форм, будь то произведение искусства или мир как целое в его единстве, коль скоро они могут быть чувственно восприняты и оценены со стороны их человечески ценностного содержания» [17, с. 19]. Автор этих строк со своей стороны отнес к предмету эстетики познание «чувственно-наглядных форм бытия идеального в виде духовных ценностей, наиболее

общие типы проявления которых и фиксируются эстетическими категориями» [18, с. 150].

Таким образом, обобщив основные положения вышеприведенных определений, в содержание предмета эстетики можно включить *всеобщую творческую активность* человека, проявляющуюся через *чувственно-воспринимаемые выразительные формы* как *универсально значимое совершенство*, конкретизируемое в *духовных ценностях*, обозначаемых соответствующими *эстетическими категориями*.

Фактически здесь речь идет о содержании эстетического знания в наиболее широком смысле, включающем в себя любые ценностные противоположности и концентрирующем самую суть культуросозидающей деятельности человека и человечества в его многовековой истории. Ибо не только в искусстве, но и в реальной жизни эстетическое способствует нейтрализации и преобразованию любых общезначимых противоположностей в художественно-эстетические ценности, которые занимают в культуре особое место [19, с. 132–137], поскольку культура в целом есть не совокупность ценностей, как принято считать, а процесс и результат преодоления ценностями своих антиподов. И если, например, подлинное горе в принципе не может быть преодолено радостью, оно может быть смягчено и нейтрализовано в процессе траурного обряда, светского или религиозного, преобразующего его совершенством выразительных форм сопереживания и сочувствия во вполне эстетическое чувство скорби. Аналогичным образом любые невзгоды в человеческих отношениях, неудачи, разлуки преобразуются в чувства грусти, печали («Мне грустно и легко, печаль моя светла» — А. С. Пушкин). А состояния счастья, радости реализуются в формах, например, свадебного обряда, праздника, т.е. в сфере нравственно-эстетической культуры. Не случайны и выразительное совершенство военных парадов, красота воинских мундиров, торжественной музыки маршей. Эстетическое, возникнув на заре человечества как один из главных признаков человеческого начала, сопровождает человека от рождения до смерти, проявляясь в повседневных и исторических событиях, в смешном и трагичном. Однако «эстетические преобразования всей нашей жизни», говоря словами Э. Меймана, происходят независимо от развития философской эстетики, по мере накопления и совершенствования практических эстетических навыков и знаний, которые и должны стать частью предмета эстетических исследований на современном постнеклассическом этапе их истории.

Предстоящий выход эстетики на широкую общественную арену связан с необходимостью преодоления всеобщего социокультурного кризиса тотального отчуждения человека от других людей и самого себя, от общества, природы и Бога, но возможен, видимо, лишь в широком культурно-историческом контексте, охватывающем все сферы жизни человека и общества.

Литература

1. Бычков В. В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
2. История эстетической мысли. Становление и развитие эстетики как науки: в 6 т. Т. I. Древний мир. Средние века. М.: Искусство, 1982. 464 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 312 с.
4. Мейман Э. Введение в современную эстетику. М.: Книгоизд-во «Космос», 1909. 185 с.
5. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. М.: Искусство, 1973. 550 с.
6. Кон И. Общая эстетика / пер. с нем. Н. В. Самсонова. М.: Госиздат, 1921. 272 с.
7. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. 676 с.

8. *Луначарский А. В.* Основы позитивной эстетики // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1967. С. 32–100.
9. *Бычков В. В.* Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М.: Изд-во МБА, 2010. 784 с.
10. *Маньковская Н. Б.* «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФРАН, 1995. 220 с.
11. *Прозерский В. В.* Российская эстетика XXI века // История эстетики: учеб. пособие / отв. ред. В. В. Прозерский, Н. В. Голик. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 815 с.
12. *Шимунок Е.* Эстетика и всеобщая теория искусств / пер. со словацкого. М.: Прогресс, 1980. 248 с.
13. *Борев Ю. Б.* Эстетика: в 2 т. Т. 1. 5-е изд., доп. Смоленск: Русич, 1997. 576 с.
14. *Каган М. С.* Эстетика как философская наука. СПб.: ТООТК «Петрополис», 1997. 544 с.
15. *Средний Д. Д.* Основные эстетические категории. М.: Знание, 1974. 112 с.
16. *Лосев А. Ф.* Эстетика // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5 / гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1970. 740 с.
17. *Самохвалова В. И.* К пониманию эстетики как науки в современном контексте // Ориентиры. Вып. 2 / отв. ред. Т. Б. Любимова. М.: ИФ РАН, 2003. С. 6–25.
18. *Выжлецов Г. П.* Эстетика в системе философского знания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
19. *Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 152 с.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2014 г.